

С. П. МЕЛЬГУНОВ

Красный террор в России (1917–1927)

Официальное происхождение террора

«Красный террор»¹ — это официальный термин, которым неоднократно пользовалась коммунистическая власть в своих даже правительственных заявлениях. Объявление «красного террора» в те или другие моменты за истекшее десятилетие означало жестокую расправу большевиков внесудебным порядком со своими политическими врагами — это означало, по выражению одного из официальных документов 1918 г., «уничтожение идеологов и руководителей врагов пролетариата»*. Принципиально вопрос ставился как бы еще шире. «Мы не ведем борьбы против отдельных лиц, — писал, повторяя, впрочем, лишь чужие слова, один из главных практических творцов этого “красного террора” Лацис, — мы истребляем буржуазию как класс»**.

Такая постановка вытекала из того «идейного», если только можно так сказать, обоснования террора, которое дал Троцкий в ответ на книгу Каутского «Терроризм и коммунизм». В сущности дело сводилось к двум довольно элементарным в своей грубости положениям: 1) враг должен быть обезврежен; во время войны, следовательно, уничтожен; 2) устрашение является могущественным средством политики, и надо «быть лицемерной ханжой», чтобы этого не понимать. Другой идеолог коммунизма, Бухарин, воссоздавая как бы «якобинские» теории XVIII века, готов видеть в терроре и орудие воспитательное, ибо «пролетарское происхождение — по его мнению, во всех своих формах, начиная от расстрела... — является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

* «Еженедельник Всерос. Чрез. Комиссии». № 1.

** Статья 1 ноября 1918 г. в «Красном мече», органе Всеукраинской Ч. К.

Последовательности в обосновании решения вступить на путь государственного террора, впрочем, у идеологов коммунизма не было. Неоднократно коммунистические деятели впоследствии пытались представить «красный террор» как неизбежное следствие возмущения народных масс покушениями на представителей советской власти со стороны так называемых «контрреволюционеров», саботажем интеллигенции в первый год захвата власти большевиками и той вооруженной борьбой, которая велась с ними. Советская власть вынуждена была прибегнуть к террору якобы под давлением рабочего класса. Так утверждал, между прочим, Дзержинский — истинный руководитель «красного террора» — в 1922 г. в записке, поданной в Совет Народных Комиссаров: «В предположении, что вековая старая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов»... он старался провести систематизацию карательного аппарата революционной власти. Таким образом, государственный террор был не чем иным, как «разумным направлением карающей руки революционного пролетариата». «Наш террор был вынужден», — повторял ту же аргументацию Каменев. «Террор был навязан Антантой», — говорил, еще более расширяя вопрос, Ленин на седьмом съезде советов в 1919 г., намекая на «интервенцию» в период гражданской войны. Эту версию усиленно повторяли в последнее время по поводу десятилетнего «юбилея» Ч. К. в своих славословиях советские публицисты и историки (напр., Покровский).

Учреждение Ч. К.

Факты всегда говорят сами за себя. Проект учреждения Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, призванной осуществлять в жизни «красный террор», был составлен Дзержинским по основным заданиям, данным лично Лениным (сохранилась его собственноручная записка) 7 декабря 1917 г.*, т. е. до созыва и разгона Учредительного собрания, когда никаких еще покушений на жизнь представителей советской власти не было и когда, в сущности, гражданская война в точном смысле слова еще не начиналась². В феврале и марте 1918 г. «красный террор», официально не объявляемый, фактически действовал на территории, занятой советской властью. Мы имеем полное право это утверждать, ибо даже в официальном органе правительства, в «Известиях» (№№ 27, 30),

* Намеки на необходимость создания органа типа Ч. К. имеются уже в протоколе Воен. Рев. Ком. в октябрьские дни.

того времени были опубликованы объявления Ч. К. о расстрелах немедленно, на месте арестованных из числа бегущих на юг для поступления в «контрреволюционные» войска и за «контрреволюционную агитацию»*.

Нет никакой возможности установить хотя бы приблизительно статистику расстрелов в первые месяцы деятельности Ч. К. и ее органов. Власть находилась еще в хаотическом состоянии. Вся Россия была еще во власти революционного брожения; помимо официальных органов власти на местах повсеместно самочинно возникали всякого рода «революционные комитеты», деятельность которых центральная власть сама узаконила. Мало того, она непосредственно иногда подстрекала население к самосудам: например, сам главком-верх Крыленко, один из руководителей впоследствии ведомства советской юстиции и блюститель «революционной законности» в государстве, 22 января 1918 г. объявлял: «Крестьянам Могилевской губернии предлагаю расправиться... по своему рассмотрению». Я могу лишь категорически опровергнуть утверждение официального историка Ч. К. Лациса (в книге «Два года борьбы на внутреннем фронте») о том, что в первое полугодие существования Ч. К. было расстреляно лишь 22 человека... Насколько это совершенно не соответствовало действительности, можно видеть из того факта, что я, находясь в Москве и имея возможность пользоваться лишь случайными данными, появлявшимися в печати**, должен был занести в свою картотеку кровавой статистики 884 расстрела.

Надо удивляться лишь беззастенчивости, с которой чекист Петерс, Мороз, а за ними Покровский в коммунистической печати в юбилейные дни Ч. К. утверждали, что до июля 1918 г. не было расстреляно ни одного «контрреволюционера».

Лацис отмечал цифру 22 в целях показать гуманность власти. И «это делалось бы и дальше, — писал он, — если бы не широкая волна заговоров и самый необдуманый террор со стороны контрреволюционной буржуазии». Надо, однако, иметь в виду, что первое индивидуальное террористическое покушение на представителей советской власти произошло 17 августа 1918 г., когда социалистом Каннегиссером был убит председатель Петроградской Ч. К. Урицкий, 28 августа последовало известное покушение на Ленина, произведенное социал-революционеркой Каплан.

* В моей книге «Красный террор в России» (изд.) приведены в изобилии факты и официальные документы, устанавливающие неопровержимо этот тезис.

** Газеты были закрыты властью в июле 1918 г. С этой поры оставалась лишь официальная партийная коммунистическая печать.

Я так подробно остановился на фактическом происхождении «красного террора», потому что он наиболее ярко, как мне кажется, характеризует сущность этого явления. Государственный террор не был навязан событиями, ибо он начался с момента захвата власти коммунистами, уже тогда, когда Луначарский в заседании московского Совета рабочих депутатов говорил: «Мы не хотим пока террора, мы против смертной казни на эшафоте». Период времени с марта до конца августа 1918 г. даже сам первый комиссар юстиции Штейберг назвал «периодом фактического, хотя и неофициального террора».

Только в атмосфере фактического террора могли произноситься открыто речи наподобие тех, которые в феврале 1918 г. произносил в Одессе большевицкий командующий войсками Муравьев. Накладывая контрибуции, он грозил суровыми карами тем, которые уклоняются от взноса «лепты на дело революции»: «Горе вам, если вы денег не внесете. С камнем я вас в воде утоплю, а семьи ваши отдам на растерзание». Не всегда дело ограничивалось только словами, не всегда угрозы расстрелом за невзнос контрибуции фигурировали только в приказах о конфискациях, реквизициях и т. п. — все это нередко бывало и подлинной реальной действительностью.

Проповедь и организация террора

Террористические акты в августе 1918 г. вызвали со стороны большевицкого правительства официальное объявление так называемого «красного террора», который широкой волной прокатился по всей России (20 губерний, на которые распространялась новая власть). Были произведены массовые аресты из самых разнообразных классов населения. Тысячи этих заложников были расстреляны.

Мы не имеем никакой возможности подсчитать цифры погибших в эти ужасные дни. Заложники брались без всякого разбора и расстреливались погоды. В подавляющем большинстве цифры расстрелянных не опубликовывались. Сплошной неправдой является утверждение Покровского, что после покушения на Ленина «в общем и целом цифра расстрелов никоим образом не превысила 600 человек». Большевицкая власть ныне забыла, что сама в свое время признала, что одна Петроградская Чрезвычайная Комиссия расстреляла 500 заложников (сообщение 20 октября в № 5 «Ежедневника В. Ч. К.»). В действительности цифра казненных в одном Петрограде превысила 1300. А Кронштадт, где в одну ночь было расстреляно 400 человек? Сотнями должно считать жертв

в Москве. А Петерс не постыдился говорить, что Москва за Ленина «ответила лишь расстрелом нескольких царских министров». Между тем даже в «Еженедельнике» (№ 6) был опубликован список 90 расстрелянных, в числе которых фигурировали не только министры, но и служащие кооперативных учреждений, студенты, священники и т. д.

Так было везде. «Раб.-Кр. Нижегород. листок» сообщал, например, о 700 заложниках. В Иваново-Вознесенске 184 и т. д., и т. д. «Противозаразная прививка», по образному выражению бюллетеня Моршанской Ч. К., в аналогичном масштабе сделана по всей России. Характер террора в сентябрьские дни чрезвычайно отчетливо вырисовывается из официальных постановлений хотя бы провинциальных Чрезвычайных Комиссий, с откровенностью заявлявших: «За голову и жизнь одного из наших вождей должны слетать сотни голов буржуазии и всех ее приспешников» (город Торжок). Такие объявления можно привести десятками и сотнями. Заявления печати были еще более кровожадны: требовались головы тысяч заложников «десятков тысяч этих паразитов», «потоков крови».

Официальные историографы Ч. К. предусмотрительно в своих статьях не вспоминают теперь о кровавых призывах печати и о таких же постановлениях органов власти. И то, и другое открыто в свое время печаталось на страницах «Еженедельника ВЧК». Они упоминают лишь о телеграммах, подписанных «тысячами рабочих», которые требовали расстрела за Ленина «десяти буржуев». Нетрудно, впрочем, доказать, что фальсифицированные резолюции принимались по дирижерской палочке самой Ч. К. Часто они просто изменялись. Направление всему давал центр. От имени «рабочего класса», например, московский губернский военный комиссар заявлял (3 сентября), что «за каждую каплю пролетарской крови... прольется поток крови тех, кто... против советов и пролетарских вождей». Он говорил о массовом беспощадном терроре. Сам Всерос. Центральный Исполнит. Комитет, в заседании 2 сентября давал «торжественное предостережение всем холопам российской и союзной буржуазии» в том, что за «каждое покушение на деятелей советской власти будут отвечать все контрреволюционеры». Народный комиссар по внутренним делам Петровский одновременно разослал всем советам телеграфный приказ «о заложниках». «Расхлябанности и миндальничанью должен быть немедленно положен конец» — писало в нем высшее административное лицо и заявляло, что к этим заложникам «должен применяться безоговорочно массовый расстрел». А «Еженедельник В. Ч. К.» — орган, который должен

был разрабатывать методы борьбы Чрезвычайных Комиссий, уже в № 1 писал: «Отбросим все длинные, бесплодные и праздные речи о красном терроре. Пора не на словах, а на деле провести самый беспощадный, строго организованный массовый террор». Приняв во внимание все подобные официальные заявления, никак нельзя согласиться с советским публицистом Радеком, писавшим 6 сентября в «Известиях», что принятые властью мероприятия предупредили «массовый погром буржуазии». Приходится прийти как раз к выводам противоположным. Террор был не только организован, но и усиленно пропагандируем самой властью. И, пожалуй, нетрудно теоретически предугадать, какие формы он должен был приобрести в жизни при такой демагогии классовой ненависти в атмосфере человеческого озверения, которое выявляет гражданская война.

Власть Ч. К.

Вся страна покрылась сетью «Чрезвычайных Комиссий для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией», как они официально именовались. Не было города, не было волости, где бы ни появились под разным наименованием отделения Всероссийской Ч. К., которая становится основным нервом государственного правления. Официальный орган Центрального Комитета коммунистической партии в Москве («Правда») писал 18 октября [1918 г.] о том, что «вся власть советам» сменяется пока лозунгом «вся власть чрезвычайкам».

«Ч. К.» объявляется органом, стоящим как бы «на страже революции». Это не орган суда, а орган внесудебной «беспощадной расправы с врагами». «Ч. К.» в своей деятельности руководится не «мертвым кодексом» — законом, а лишь своим «революционным опытом» и «своей революционной совестью». В такой постановке все зависело от фактического состава деятелей Чрезвычайной Комиссии. «Карательный аппарат революционной власти, — писал Дзержинский в упомянутой записке, — должен был представлять кристально-чистый институт народно-революционных судей и следователей, снабженных чрезвычайной властью». «Сотрудники Ч. К., — утверждал шеф этого органа, — выбирались заботливо из состава партии и состояли из идейно-чистых и в своем прошлом безукоризненных лиц, ибо только при таком качественно-преобладающем элементе своих служащих Ч. К. была в состоянии выполнить порученные ей... обязанности». Но здесь неизбежно должен был действовать закон общественной психологии, или, если хотите, общественной патологии. Нужен

был по меньшей мере массовый «якобинский» фанатизм для осуществления в широких размерах права революции на убийство. Всякая здоровая психика должна была подрываться в атмосфере окружавшей Ч. К. крови. Совершенно неизбежно Ч. К. в свой состав должна была привлекать все максимальное, все садистическое, что было в окружающем обществе. Ведь только маньяк мог воспевать в стихах и не находить большей «радости» и лучшей музыки, чем «хруст ломаемых жизней и костей», как сделал это один из тифлиских чекистов в стихотворном сборнике «Улыбки Чека». Надо просмотреть соответствующие страницы моей книги, чтобы проникнуть в эту общественную патологию — перед нами пройдет вереница деятелей, которых психиатрия должна была отнести к числу душевнобольных. Сам Лацис должен был признать необходимость постоянной смены работающих в Ч. К., ибо «как бы ни был честен человек... работа Ч. К., протекающая в условиях исключительно действующих на нервную систему и притупляющая чувства этические, дает себя знать», «влияет разлагающим образом на многих неокрепших характером молодых коммунистов». Совершенно неизбежно деятельность Ч. К. должна была, с другой стороны, привлекать к себе все отверженные жизнью общественные элементы, которых привлекало чувство алчности и возможность властвования. Проникновение в Ч. К. этого уголовного материала — «преступных» элементов — должен был признать сам Крыленко. На первых порах к ужасам еще не привыкли, деятельность Ч. К. слишком поражала совесть отдельных коммунистов — честных деятелей. Недаром один из старых большевиков, Ольминский, открыто выступил, например, в «Петроградских известиях» 3 февраля 1919 г. с протестом против крайностей Ч. К. Он писал: «Можно быть разного мнения о красном терроре, но то, что сейчас творится в провинции, — это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина».

Я не буду останавливаться на картинах эксцессов террора, которыми полна летопись русской жизни того времени. Тот, кто желает найти подтверждение в конкретных фактах, пусть обращается к моей книге, где приведены десятки и сотни этих фактов, заимствованных из самых разнообразных источников. Здесь мы встретим зарегистрированные факты массовых потоплений на барках заложников, средневековые застенки, пытки, самые циничные формы массовых расстрелов, перед которыми бледнеют кровавые бойни, отмеченные историей, эротические оргии местных царьков, тех маленьких деспотов, которые, опираясь на свою «революционную совесть», становились полными властителями над судьбой и жизнью арестованных заложников. Ибо им во имя

достижения революционных целей «своих желаний» все дозволено, как заявлял орган украинской Ч. К. «Красный меч», повторяя известные слова Ленина.

В условиях гражданской войны, демагогически разжигаемой классово-ненависти «красный террор» приобретал характер чудовищных и изощренных пыток оскорблений, издевательств над личностью — не достаточно ли напомнить о тех фактах, когда представители так называемой буржуазии принуждались, например, голыми руками отчищать отхожие места, когда арестованных женщин заставляли мыть камеры после расстрелов...

Центральная власть была, в сущности, совершенно бессильна бороться с тем, что можно было бы назвать злоупотреблениями террора. Других исполнителей она не могла найти. Борясь в отдельных случаях со злоупотреблением, в действительности ей приходилось в огромном большинстве случаев покрывать своим авторитетом эти злоупотребления, защищать и оправдывать деятельность чекистов. «Мы все должны стать агентами Ч. К.», — провозглашал Бухарин. «Ч. К. — краса и гордость коммунистической партии», — заявлял Зиновьев. «Чрезвычайка — это лучшее, что наш советский орган может дать», — писал Лацис, историк Ч. К. и ярый деятель ее в качестве представителя центральной комиссии на Украине. Когда среди некоторых большевицких деятелей поднимался голос возмущения против того, что делалось под флагом «революционной совести», против превращения провинциальных отделений в какие-то бандитские и мародерские организации (по образному выражению первого же большевицкого комиссара юстиции), требование, наконец, контроля, на защиту их выступали другие авторитетные голоса. В том же «Еженедельнике В. Ч. К.» против обличений «мягкотелых», «слабых нервами» интеллигентов говорили авторитетные люди с крепкими нервами, например один из самых видных чекистов — Петерс: «Нечего падать в обморок... новые люди не привыкли к юридической мудрости». «Нелепо вводить деятельность Ч. К. в юридические рамки». В № 5 «Еженедельника» в ответ на обличения появилась даже статья со своеобразной аргументацией в защиту проникновения преступных элементов в среду деятелей Ч. К.: «Значит, мы сильны, ибо жулики — народ практический и к слабым не примазывается». Проникновение этих элементов тем более разлагающе действовало на организацию Ч. К., что она во всех отношениях превратилась в особо привилегированное учреждение, не только по полноте власти, но и по условиям материального быта, в котором находились рядовые чекисты. Это было своего рода государство в государстве. Реквизированные вещи и съестные продукты шли на потребу слу-

жащих. В голодные дни, которые переживало население в годы 1918–1920-е, чекисты имели особо привилегированные пайки. Служба в Ч. К. нередко являлась путем самообогащения, возможностью широко и хорошо жить, та же комиссия занималась не только борьбой с контрреволюцией, но и спекуляцией. Отсюда проистекали бесчисленные злоупотребления властью. Массовые обыски и аресты становились средством как бы самоснабжения для служащих в Ч. К. Хищения, подлоги, взятки отмечает нам история учреждения, которое должно было «стоять на страже революции» и привлекать к себе идейных коммунистов. Ясно, что бывший цирковой клоун, бывший содержатель притона разврата, бывшие преступники с определенно уголовным прошлым, проникавшие в Ч. К., и в коммунистической тоге оставались тем, чем они были в действительности.

Цинизм террора

Вся обстановка, в которой протекал «красный террор», должна была содействовать разлагающему влиянию на деятелей Ч. К. Уничтожение врага приводит к полному обесцениванию человеческой жизни в глазах тех, кто проводит подобную политику. Смерть становится слишком простой — слишком легко выносить смертные приговоры. Перед нами лежат протоколы Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. История сохранит их для потомства. В поспешном бегстве в 1919 г. киевские чекисты оставили эти подлинные документы, и всегда в них поражает упрощенность форм «судопроизводства». «Революционная совесть» позволяет, например, в одно заседание рассмотреть 59 дел и в 25 случаях вынести приговор о расстреле. В протоколах имеются приговоры к смертным казням за подписью самого Лациса без обозначения даже даты, когда вынесен приговор. Не надо при ознакомлении с фактической деятельностью Чр. Комиссии удаляться в глухие провинциальные углы, где разные формы злоупотребления властью могли встречаться особо часто, где в деятели Ч. К. могли попадать более легко элементы, которые мы назвали преступными, ибо и в центре в тех случаях, когда имена расстреливаемых публиковывались во всеобщее сведение, поражает игнорирование требований, которые предъявляет человеческая совесть и мораль к тем, которые осуществляют «право революции» на убийство. Фамилии публиковывались с необычайной неряшливостью, без имен; расстреливались люди «по ошибке», расстреливались однофамильцы, расстреливались без фамилии, с кратким обозначением: «контрреволюционер по убеждению», «неуловимый

контрреволюционер» и т. д., или просто в порядке «красного террора» расстреляно столько-то. «Для расстрела нам не нужно доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы находим нужным и расстреливаем», — заявлял с большим цинизмом один из деятелей провинциальной Ч. К. (в Кунгуре). И опять бесчисленное количество фактов, бесчисленные примеры, подтверждающие сказанное, находятся в моей книге, названной большевиками, конечно, «клеветой». Но достаточно прочесть характеристику «революционной закомиссии», которую дал в юбилейной статье в «Правде» советский публицист Кольцов, для того, чтобы убедиться, что десятки фактов, собранных в моей книге, являются самой подлинной действительностью. Вот строки, которые надо запомнить: «Председатель провинциальной Ч. К., рабочий, сидел на обломок стула и во всеоружии своей классовой правоты писал карандашом на обрывке постановления: “Расстрелять Мельниченко, как гада мировой буржуазии, а также семерых с ним в камере”». Мы видели только что, подобные приговоры писались и в столичном граде Киеве и подписывались собственноручно Лацисом в роскошных кабинетах в захваченных для Ч. К. буржуазных особняках.

Цель Ч. К. — не только уничтожить врага, но и утратить его: отбить у него, по выражению Лациса, всякую охоту «саботировать» власть. Естественно, что Ч. К., сделавшись «красой и гордостью» коммунистической партии, стала ненавистным идеалом для русского народа. В целях воздействия на психику строится вся система устрашения, вплоть до массовых арестов сотнями, тысячами, ночных допросов, исключительно тяжелых условий тюремного быта, камер с пробковыми стенами, фиктивных расстрелов и расстрелов «на всякий случай». Едва ли не в целях устрашения в том официальном органе В. Ч. К., о котором мы много раз упоминали, — в «Еженедельнике В. Ч. К.» (№ 3) уже в первые дни «красного террора» был напечатан знаменательный призыв: пыткой добиваться показаний от арестованных. Этот поистине исторический документ под заглавием «Почему вы миндаляничаете», подписанный представителем одной из провинциальных комиссий, был выпущен в связи с известным делом английского консула Локкарта. «Скажите, — говорилось в статье, — почему вы не подвергли его, этого самого Локкарта, самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения... Скажите, почему вы вместо того, чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров, скажите, почему вместо этого позволили ему покинуть Ч. К.? Довольно миндаляничать... Пойман опасный прохвост... Извлекь из него все, что можно и отправить на тот свет...».

Надо ли говорить о том, как должны были на деле отразиться подобные призывы, шедшие из центра. Укажу на то, что на 6 съезде Советов представитель Ч. К. официально уже говорил, что Ч. К. должна быть «беспощадна ко всей этой сволочи» («с буржуазией и ее прихвостнями»).

«Классовый» характер террора

Формально, больше демагогически, «красный террор», творимый коммунистической властью от имени пролетариата, направляется на так называемые буржуазные классы. В действительности основной его чертой является устрашение и физическое уничтожение всех без исключения противников советской власти, к какому бы имущественному классу они ни принадлежали. Принцип «тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян» был не более как принципом демагогическим. В целях только демагогических «пролетарское происхождение» иногда признавалось смягчающим вину обстоятельством. Террор Каутский назвал «братоубийством, совершаемым исключительно из желания власти». И он более чем прав. При «красном» большевистском терроре повторялось в сущности то явление, которое еще Луи Блан отметил для французской революции. Из 2755 гильотинированных во Франции, социальное положение которых мог установить исследователь монтаньярского террора, более 20% приходилось на зажиточные классы (к таким же выводам позднее в своей статистике пришел и Тэн). При том характере, который носят публикации расстрелов у большевиков, почти невозможно установить социальный состав расстреливаемых. Но характерно то, что случайные данные дают наименьший процент буржуазии.

Моя картотека 1918–1919 дала наибольший процент интеллигенции, т. е. «прислужников буржуазии», по терминологии большевистской классификации, и крестьян, представляющих мелкобуржуазные интересы. Если взять позднейшие данные 1923 г., то на «рабоче-крестьянскую» группу приходится более 40%. Массовые расстрелы, производимые Ч. К. при всевозможных карательных экспедициях, преимущественно уже обращались на рабочих и крестьян. Мы могли бы отметить факты, сообщающие о поголовном избиении «зажиточных» крестьян, когда при подавлении крестьянских беспорядков в деревнях (в особенности в Тобольской губ. в 1921 г.) расстреливали «через десяток» и даже «через третьего», как гласит соответствующий официальный документ, то едва ли приходится вводить уже признак «зажиточности».

«Беспощадная расправа» по распоряжению Троцкого с астраханскими рабочими в марте 1919 г. ознаменовалась гекатомбами* пролетариата в прямом смысле этого слова.

Статистика террора

Такой характер носил «красный террор» в свой первый период, к которому мы относим годы 1918–1921-й. Это было время, когда в России шла активная гражданская война — война фронтами, когда друг против друга с армиями стояли две борющиеся стороны. Для того, чтобы уяснить себе подлинный характер «красного террора» и его совершенно необычайный размах, надо перелистать те страницы террора, которые падают и на период ликвидации активной борьбы, из которой советская власть так или иначе вышла победительницей. На юге после падения правительства ген. Деникина, в Крыму после эвакуации ген. Врангеля, в Сибири после адм. Колчака, на севере — повсюду наблюдается приблизительно одна и та же однообразная картина: происходит акт мести по отношению к врагу поверженному, уничтожение возможного будущего врага, врага *in spe***.

Не захваченные уже с оружием в руках, а оставшиеся на территории, где утвердилась советская власть, участники гражданской войны (преимущественно офицерский состав) подвергается массовому уничтожению. Десятки тысяч после объявления о необходимости регистрации арестовываются, и десятки тысяч расстреливаются. Происходит в точном смысле слова кровавая бойня. Достаточно указать хотя бы на официальные публикации, имея в виду, что они всегда бывали до крайности преуменьшены. Например, в «Известиях временного севастопольского ревкома» 28 ноября 1920 г. публикуется цифра в 1634 чел. и через два дня еще 1202 чел. В маленьком городе Керчи местные «Известия» сообщают цифру 800 человек. Одесская Ч. К. сама устанавливает цифру расстрелов в 1920–21 гг. в 1418 чел. В Крыму, где действовал Бела Кун, считают расстрелянных при этой ликвидации в 1920–1921 гг. более 100 тысяч. Массовые расстрелы приняли такой характер, что вызвали даже особую ревизию со стороны Москвы, правда, больше для внешнего вида.

* *Гекатомба* — изначально в Древней Греции жертва из 100 быков, потом вообще торжественное публичное жертвоприношение, независимо от числа и породы животных. В Новое время этот термин стали применять к массовым бессмысленным казням, характерным для революций (во Франции, а затем в России). — *Ред.*

** *In spe* — ожидаемого (*лат.*). — *Ред.*

«Красный террор» в эту эпоху ликвидации происходил при официальном признании того, что открытая гражданская война, в сущности, кончилась и что «революционный пролетариат» может уже «отложить в сторону оружие террора, к которому рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть». Так, между прочим, гласило постановление В. Ч. К. за подписью Дзержинского, напечатанное 20 января 1920 г. в «Известиях» и предписывавшее всем органам Ч. К. прекратить применение высшей меры наказания. Нельзя было придавать большого практического значения этому постановлению Ч. К., подтвержденному несколько позже постановлением Совета Народных Комиссаров и В. Ц. И. К., ибо за год перед тем торжественно было уже заявлено, что «пролетариат отказывается от оружия террора, делая своим оружием законность и право». Неоспорим факт, что ночь перед выходом декрета об отмене смертной казни по приговорам Ч. К. стала «ночью крови», как гласит одна из жутких надписей, сделанных на стенах камеры смертников в В. Ч. К. в Москве.

И в Москве, и в Петрограде, и повсюду в провинции шли усиленные расстрелы в эти дни формальной отмены казней. Через месяц была уже введена негласным циркуляром и формальная оговорка, уничтожавшая лишения Ч. К. самостоятельных расстрелов. «Ввиду отмены смертной казни, — гласил циркуляр В. Ч. К. в местных Ч. К., — предлагается всех лиц, которые... подлежат высшей мере наказания, отправлять в полосу военных действий, как в место, куда декрет об отмене смертной казни не распространяется».

Расстрелы продолжались. В мае*, в связи с польско-русской войной, смертная казнь и официально была восстановлена во всем объеме. В каком объеме она применялась открыто в так называемых революционно-военных трибуналах, органически связанных с Ч. К., показывают даже официальные цифры, публиковавшиеся в советских газетах. Например, в июле-августе была опубликована в «Известиях» цифра 1183 смертей; август-сентябрь — 1206. Расстрелы шли по всякому поводу, как видно из публикации, за контрреволюцию, восстания, хранение оружия, даже за буйство в пьянстве...

Не явствует ли из всего сказанного с достаточной отчетливостью, что нет никакой возможности установить действительное число жертв «красного террора». Все цифры неизбежно фантастичны. Возможно, будущий историк деятельности Ч. К. установит поименно десяток тысяч погибших под рукой большевицких палачей. Но их было сотни тысяч, а может быть, и больше...²

* 1920 г. — *Ред.*

Эпоха «тихого террора»

Человеку, свыкшемуся с общепринятыми нормами государственного порядка, трудно представить себе моральную атмосферу «красного террора». Сущность «красного террора» нельзя, пожалуй, характеризовать лучше, чем это сделал в своей книге «Нравственный лик революции» первый советский министр юстиции Штейнберг — один из тех социалистов-революционеров, которые работали вместе с коммунистами в 1917–1918 гг. и, следовательно, вместе с ними несут ответственность за творческий период «красного террора». Повторю в некоторых выдержках эту характеристику. «Террор, — пишет он, — это узаконенный план массового устрашения, принуждения, истребления со стороны власти... Находящееся у власти в одиночестве меньшинство зачисляет в стан своих врагов все большее и большее число людей, групп, слоев... Формы террора бесчисленны и разнообразны... Террор проявляется в том, что на пространстве всей... страны в самую ответственную пору ее жизни заглушено вольное слово... Террор в тесно сплетенной сети политического надзора, которым правительство окутывает все поры, все ткани, все клетки... общества, в тайной политической политике, которая неотступно следит... за каждым шагом граждан, в хитроумных... приемах сыска и провокации... Террор — в пренебрежительных, в насмешливых, в мучительных формах допроса людей, изблеченных властью, в тончайших приемах душевной и иной пытки... в переполненных до голодания, до изнурения тюрьмах... в случайности приговоров, зависящих от любой перемены политической погоды, от колебаний правительственных чиновников, головами казнимых проводящих свои политические виды. Террор — в произволах, выселениях, конфискациях, реквизициях, контрибуциях, лишь по виду цепляющихся за сытых и праздных, а по существу бьющих по голодным и усталым. Но самое страшное, самое чудовищное террора — в крови, которая льется безжалостно, бессмысленно, ручьями. Террор — это “к стенке”, которая угрожает за неуплату налога подоходного, налога натурального, чрезвычайного, и за уход из армии, и за уклонение от нее... и за уличные грабежи и за государственную измену, и за бесшабашное грюндерство*, и за обман и преступления по службе, и за мелкую спекуляцию, и за искусную

* *Грюндерство* (от нем. *Gründer* — основатель) — массовое неупорядоченное учредительство акционерных обществ, страховых компаний, сопровождаемое биржевыми спекуляциями, созданием временных фиктивных фирм. — *Ред.*

контрреволюционную интригу, и за легкомысленное “оскорбление величества”. Террор в том, что “к стенке” стало током обыденной жизни, что расправе над беззащитными, превращению человека в вещь, звериному началу в человеке открыты все ключи и сорваны все плотины. Террор — в животном страхе, который парализует волю, заставляет бледнеть сильных, рабски подчинять человеку с винтовкой в руках... Террор, наконец, в массовых казнях, когда за чужую вину, за удар, нанесенный власти... платятся неповинные люди, случайно попавшие в руки этой власти, случайные обитатели государственных тюрем... в заложничестве, в круговой поруке... Террор — не только тогда, когда насилие применяется, но даже и тогда... когда он лишь висит постоянной угрозой».

В этой образной характеристике одного из раскаявшихся творцов «красного террора» нет преувеличений — ни того, что было, ни того, что в значительной степени есть. Царит небывалая в мире тирания, в которой уничтожены самые элементарные общепринятые гарантии человеческих прав, где существует только казенное печатное слово. Вся страна превращена в какую-то всеобщую тюрьму, находящуюся под неустанным и бдительным полицейским наблюдением Государственного Политического Управления (ГПУ). По тактическим соображениям Ч. К. назвали ГПУ. Но вся сущность и форма организации остались без изменения. Естественно, ГПУ приобрело ту же репутацию, что и В. Ч. К.

Под гнетом террора в стране замерли всякие проблески политической жизни. Психически забитое и физически уставшее население не в состоянии было проявлять какой-либо политической активности. И тем не менее правительственный террор во всех его многообразных видах продолжал царить в стране. Это было уже главным образом устрашение.

Бесспорно, «красный террор» в последние годы не мог уже носить характера того поистине средневекового кошмара, какой он имел в первые годы своего применения. Для тех человеческих «боев», когда под руками палачей в застенках, в обстановке подчас циничных издевательств и пыток, особенно в провинции, иногда гибли в 1918–1920 гг. сотни людей в одну ночь, никакая власть не смогла бы найти исполнителей. Такие моменты в истории в короткие промежутки времени не повторяются. Эти моменты всегда связаны со своего рода революционным психозом в населении. В России этот психоз уже прошел. Наконец и поводов для массовой «резни» не могло явиться у власти в период психической подавленности терроризированного населения.

«Красный террор» протекал как бы в формах большей «революционной законности», чем вакханалии эпохи так называемого

военного коммунизма и гражданской войны. Эта «революционная законность» сказывалась в том, что прежние всеобъемлющие функции Ч. К. были несколько ограничены и некоторые из них переданы «революционным судам». Еще Ленин писал в 1918 г.: «Неизбежно по мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление — типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд». Но что такое советский суд по политическим делам? «Качественно» он ничем не должен отличаться «от такого органа, как В. Ч. К.», — поясняет Крыленко в книге «Суд и право в СССР», вышедшей в 1927 г. И Крыленко вспоминает завет непрекаемого коммунистического авторитета «Владимира Ильича» (т. е. Ленина), данный уже в 1922 г.: «За публичное оказательство меньшевизма* наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не суд, а бог знает что такое». Не приходится удивляться тому, что целых 43 статьи Уголовного кодекса предоставляют революционным судам в СССР выносить смертные приговоры или «ставить к стенке», по обычному выражению Ленина, политических противников.

Суд и ГПУ фактически сливаются в политических делах. Отнюдь не устранено и право внесудебной расправы у ГПУ. И когда ГПУ в качестве высшей политической инстанции считает нужным, оно собственной волей по-старому кончает со всякой своей жертвой — жизнь и судьба арестованных всецело находятся в руках ГПУ. В советской печати мы не найдем, конечно, указаний на эти тайные расстрелы. Но они существуют повсеместно и не представляют собою каких-то исключений (право расстрела в «исключительных обстоятельствах» ГПУ восстановлено было уже в 1924 г.).

По-старому переполнены в России тюрьмы политическими заключенными. Массовые расстрелы и массовые высылки практикуются ГПУ каждодневно. Высылки в отдаленные, глухие, безлюдные и худшие в климатическом отношении места в Сибири, в Туркестане, на Соловецких островах в период «революционной законности» заменили массовые расстрелы, причем ГПУ открыто и бесстыдно нарушает даже основы советской юстиции, ибо высылки ГПУ происходят весьма часто даже вопреки судебным приговорам «революционных трибуналов».

Сама по себе советская ссылка подлинный ужас. Достаточно прочесть потрясающие записки бежавшего в 1925 г. из Соловецкого концентрационного лагеря Мальсагова, для того чтобы познать картину быта заключенных. Какой он был в 1922 г., такой

* То есть соц.-дем. доктрин.

он остался и в наши дни... Люди обрекаются в полном смысле слова на физическую и духовную смерть. Бесправие, голод, побои, истязания, надругательства и... расстрелы характеризуют тот режим, которому подвергаются заключенные. Можно подумать, что изощренная изобретательность властей специально направлена на измышление мер для поругания человеческого достоинства... Инквизиторские наказания превосходят все, что практиковалось в трагической истории каторги и ссылок. Коммунист восстановил знаменитые «каменные мешки», которые существовали в монастыре во времена Ивана Грозного. В отверстия, куда человека можно втиснуть лишь «под углом», сажают в наказание заключенных на «неделю, а иногда на две». В наказание летом в голем виде ставят провинившегося под комара, а зимой в башню, где пол покрыт льдом. Так «победители» расправляются с «побежденными». И надо ли удивляться, что тюрьма — и не только Соловки — отвечает на насилие массовым голоданием, самоубийством. Поистине все законы «Божие и человеческие» забыты в «красной» каторге...

Права ГПУ в период «революционной законности» остались, таким образом, неизменными. Сохранились прежние навыки, прежние традиции и прежний персональный состав. Всеобъемлющий шпионаж, как и в годы «военного коммунизма», проникает в частные дома, в отдельные квартиры, в семьи и следит за проявлением оппозиционных настроений в различных классах населения. По-прежнему широко применяется провокация, причем ГПУ само не останавливается перед организацией фиктивных заговоров и вооруженных покушений на жизнь представителей власти в целях поднятия своего авторитета в глазах Политбюро и Коммунистической партии...

Но все эти насилия и репрессии, творимые в повседневной жизни СССР, в глазах идеологов коммунизма отнюдь не являются тем, что они называли «красным террором». Это «революционная законность». Бывают, однако, моменты, повторяющиеся от времени до времени, когда «тихий террор», террор не афишируемый, террор как бы скрытый, принимает дикие формы «расправы на месте». Тогда власть в целях воздействия на население, в целях грубого устрашения публикует акты, совершенные уже в порядке официального «красного террора». Тогда наступает час безраздельного господства ГПУ... В 1922 г. Ленин, обращаясь к своим политическим противникам и именуя их «контрреволюционной буржуазией», говорил: «Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре, в ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор, а если еще потребуется,

если вы нас вынудите — выдвинем еще», ибо никто не сомневается в необходимости террора, «кроме интеллигентских кликуш». Необходимость эта представилась в летние месяцы 1927 г., когда, для многих неожиданно, на территории СССР произошел ряд террористических актов, направленных против Коммунистической партии и представителей ГПУ. Этот индивидуальный террор был ответом на него новыми массовыми обысками, арестами и расстрелом захваченных «заложников».

Но... как ни устрашающи были сами по себе эти проявления «истерического террора» (напомним, что это выражение известного деятеля Ч. К. Петерса), он не оказал уже должного действия. В стране стал намечаться перелом. Жизнь постепенно вступает в свои права. Государственный террор стал слишком обычным повседневным явлением, человеческая жизнь в сознании населения слишком обесценилась и... террор перестал устрашать. Другими словами, жизнь вступила в ту полосу безразличного отношения к террору, которую все историки отмечают нам для эпохи последних дней монтаньярского владычества в период французской революции XVIII века. Психологическая депрессия населения постепенно проходит; в нем вновь пробуждается революционная активность и протест против невыносимой диктатуры группы, захватившей и насильно удерживающей власть. На историческую сцену вступило новое поколение, которому уже чужды настроения, в атмосфере которых только мог зародиться и осуществляться «красный террор».

«Якобинская» политика террора привела через десять лет лишь к тому, что власть окружена враждебной стеной. В стране как бы два враждебных друг другу лагеря — завоевателей и побежденных. Послушным орудием в руках у власти остается пока лишь преторианская гвардия в виде привилегированных войск особого назначения, или войск ГПУ. Побежденные начинают поднимать голову. Само по себе как-то исчезает постепенно безмолвие. Протест идет стихийно в народной толпе, и никакое ГПУ не в состоянии уже заставить умолкнуть поднявшийся ропот многомиллионной невидимой толпы. Формы происходящей борьбы подчас грубы и жестоки, как груба и жестока советская жизнь. «Политический бандитизм», употребляя официальное выражение, является главным методом борьбы. Это означает суровую и беспощадную расправу с властью во всех случаях, когда представляется возможность. Под понятие «власть» подводится всякий коммунист, который — особенно в представлении деревни — является как бы ненавистным правительственным агентом.

«Красный террор» завел коммунистическую партию в тупик, из которого для нее нет выхода. Во враждебной стихии власть погибнет, и для истории останутся от нее, как вечное *memento mori**, лишь бесцельные кровавые гекатомбы «красного террора»³.

* Помни о смерти (*лат.*). — *Ред.*